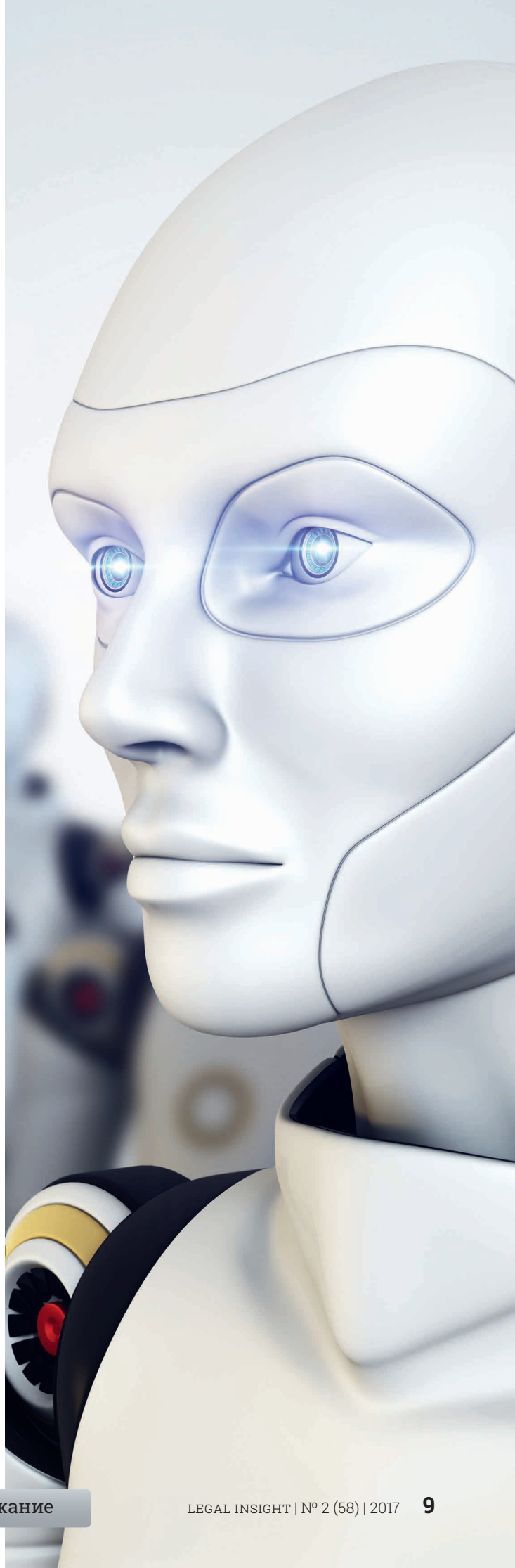

В феврале мировыми, а вслед за ними и российскими СМИ много внимания уделялось новостям о будущем робототехники. Европарламент предложил ввести специальный статус для роботов, чтобы знать, кто должен нести ответственность в случае причинения вреда таковыми. Кроме того, законодатели призвали Еврокомиссию разработать законопроекты для полноценного использования экономического потенциала робототехники и искусственного интеллекта, а также обеспечения единого уровня безопасности применения роботов. Примерно в это же время на портале Zakon.ru появился блог бывшего Председателя ВАС РФ Антона Иванова под заголовком «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»¹, в котором он подверг критике законопроект о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ в части совершенствования правового регулирования в области робототехники². Концепцию законопроекта разработала команда юристов Dentons под руководством Виктора Наумова по заказу Дмитрия Гришина, основателя Grishin Robotics и Председателя совета директоров Mail.ru Group. Накануне Moscow Legal Tech мы решили поговорить с Виктором Наумовым, у которого за плечами три высших образования, ленинградская Физматшкола № 30³, работа лаборантом, а затем научным сотрудником в лаборатории робототехники Института информатики и автоматизации Российской академии наук в Санкт-Петербурге, руководство практикой IT в Dentons и ко всему прочему любовь к фантастике.

¹ Иванов А. Мечтают ли андроиды об электроовцах? «Закон.ру». — https://zakon.ru/blog/2017/02/15/mechtayut_li_androidy_ob_elektroovcah

² За обновлениями текста законопроекта можно следить на официальной странице «Первого закона о робототехнике» в «ВКонтакте»: https://vk.com/page-135261864_52392566

³ Первая в Советском Союзе физико-математическая школа, открылась в Ленинграде 1 сентября 1962 г.

«Законопроект является началом сложной дискуссии о регулировании робототехники»

— Начнем интервью с провокационного вопроса: не рановато ли сейчас заботиться о правовом статусе роботов?

— Конечно, исходя из уровня развития технологий и массовости роботов на текущий момент, правовой статус роботов — это фантастика. Но никто и не говорит, что у нас по улицам бродят роботы, ездят самоуправляемые машины, мусор подметают киборги, а не дворники, и тому подобное. Но с точки зрения научно-технического прогресса и наблюдаемого ускорения развития человечества в технологической сфере — все это ожидает нас в не очень отдаленном будущем.

В настоящее время невозможно понять, что же произойдет, когда эти сложные системы станут слишком «умными» и за счет самообучения в процессе самостоятельного взаимодействия с внешней средой начнут действовать вне рамок детерминированных алгоритмов, на основе приобретаемого опыта развивать и пополнять состав изначально заложенных алгоритмов и правил.

Возьмем, к примеру, self-driving cars (беспилотные автомобили). Езда за рулем с водителем обусловлена правилами дорожного движения (в целом, почти непротиворечивыми), механикой и состоянием автомобиля, геометрией и качеством покрытия дорог и, что очень важно, сложной прогнозируемой дорожной обстановкой, а главное, опытом водителя. Если убрать водителя, последняя составляющая может быть восполнена только сложной компьютерной системой с сенсорами, которая должна научиться реагировать на множество различных ситуаций, изначально не просчитываемых и не прогнозируемых. Представим себе: мы нажали кнопку, «умная» машина завелась и поехала туда, куда мы даже предположить не могли, но, в итоге, доехала, куда нужно. Спрогнозировать это владельцу (не сидящему в машине) невозможно, исчезает причинно-следственная связь в нашем традиционном ее понимании и возникает понятная проблема: что произойдет, если управляемая программой машина попадет в аварию, где будет, например, иметь место ущерб имуществу? Очевидно, что появление беспилотных автомобилей означает расширение состава объектов, которые могут представлять собой источник повышенной опасности. Однако качество этого явления может быть другим: если для «классических» источников повышенной опасности декларируется невозможность именно полного и постоянного контроля человеком, то создание роботов преследует цель вообще отказаться от этого контроля и при развитии искусственного интеллекта сделать их поведение качественно иным.

Налицо объективная проблема: право, которое оперирует субъектным составом и объектами, к такой ситуации не готово и, на наш взгляд, имеющихся норм уже не хватает. Это породило у нас с коллегами (хочу особо выделить Владислава Архипова) научный интерес, который явился стимулом к данной работе. Но была и ключевая прагматическая задача — начать дискуссию, инициированную Дмитрием Гришиным из Grishin Robotics. Поскольку Дмитрий уже давно занимается ИТ и робототехникой, у него возник стратегический

интерес — понять, как его бизнес будет регулироваться в перспективе.

— *Почему вы стали разрабатывать изменения в Гражданский кодекс, а не закон о робототехнике?*

— Мы пошли по пути наименьшего сопротивления, предлагая внести поправки в Гражданский кодекс РФ. Если в целом говорить о системе, то нужен закон о робототехнике с определениями, раскрытием принципов регулирования, вопросами безопасности, и в дополнение к нему потребуются внести соответствующие изменения в Гражданский и другие кодексы. Мы же пока разработали только изменения с учетом имеющегося у нас сейчас небольшого запаса знаний (в частности, законов Айзека Азимова). Это не означает, что такой закон должен быть принят в течение ближайших нескольких лет, но если мы не начнем все это обсуждать, возникнут проблемы.

Важно, чтобы дискуссия была междисциплинарной, с участием философов, инженеров, социологов и иных профессионалов, и гармоничной, когда идеи для регулирования предлагаются теми, кто понимает их содержание и последствия принятия. Она должна быть основательной, поскольку поспешно вносимые в законодательство изменения обычно не отличаются высокой результативностью. Когда в законах и подзаконных актах появляются «заплатки», это решает какие-то локальные задачи, но противоречит другим нормам, страдает терминология, возникают правила, которые противоречат природе, в том числе, технологической, а также природе процессов и вещей. Так, наглядным примером негативных последствий инерционности права и непродуманного развития законодательства стало регулирование Интернета. Систему изначально не продумали, новые реалии и проблемы не изучили и не обсудили, и отчитаться можно только чередой поправок.

Чтобы не допустить этого, мы уже сейчас начали дискуссию. Я не сомневаюсь в том, что через некоторое время от данного законопроекта останутся лишь идеи, точнее вопросы, которые в нем заявлены, но они-то как раз и нужны для проведения той работы, которая нас увлекла.

— *Вы отправили концепцию законопроекта в ведущие научные и образовательные юридические школы страны. Какова реакция ученых на вашу инициативу?*

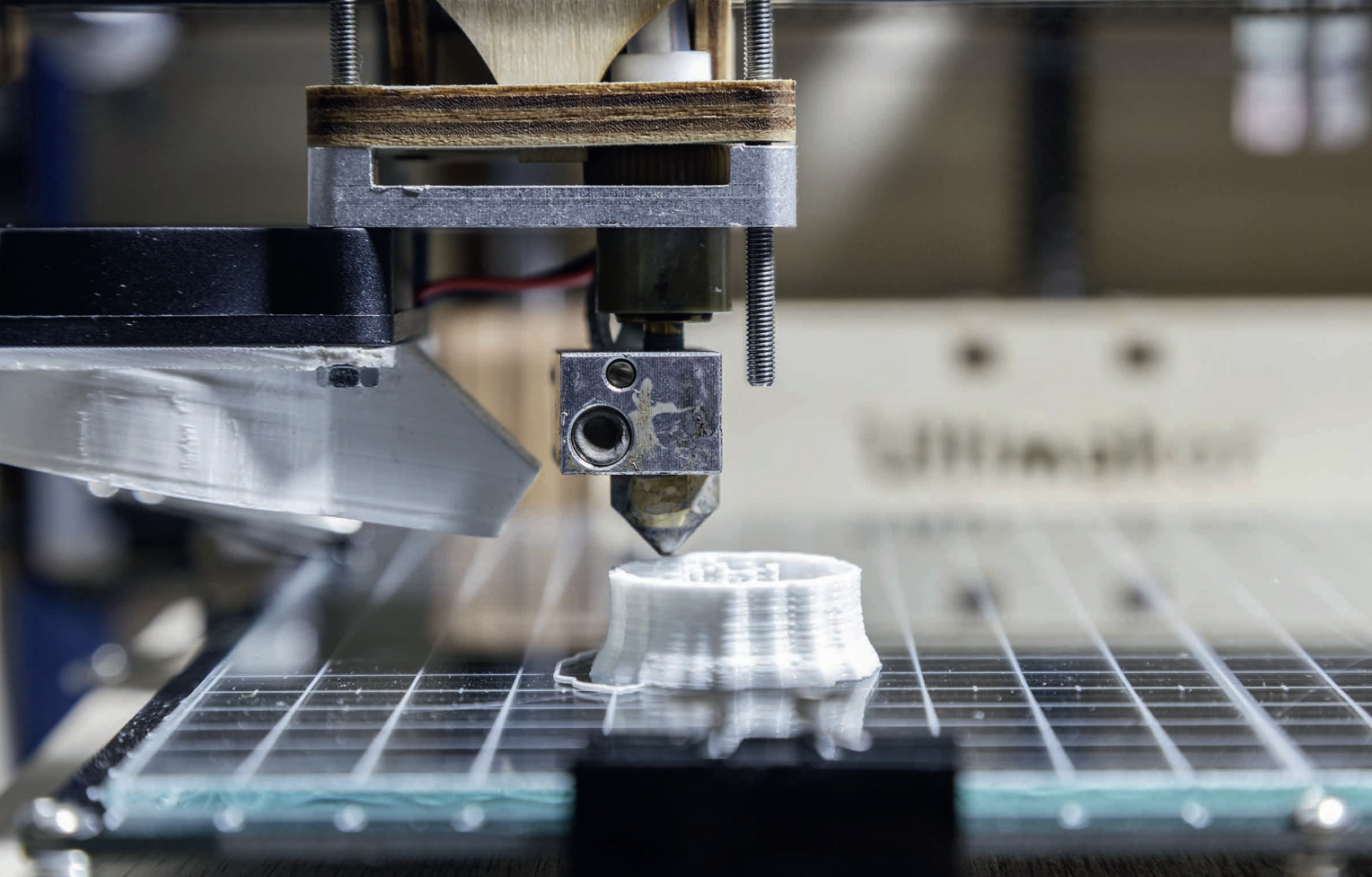
— Те, кто представили свои отзывы (это почти все респонденты), в большинстве своем позитивно отнеслись к началу

Робот — устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека

Роботом-агентом признается робот, который по решению собственника или в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте

дискуссии. Все отметили очевидную новизну тематики. Однако ответы цивилистов заметно отличались от ответов теоретиков информационного права. Последние более позитивно приняли идею, в частности, потому что объективно робот — это информационная система. Реакция же цивилистов неоднозначна. Впрочем, они заслуженно критикуют нас за ошибки, которые, действительно, имеют место.

Профессионалы по-разному оценивают своевременность и актуальность регулирования отношений и изучения проблематики. В то же время, несмотря на высказывания ряда коллег, Евросоюз в феврале принял резолюцию по данному поводу. Это не наше желание отметить, сделать что-то экзотическое и войти в историю, а реакция на те закономерности и процессы, которые скоро будут окружать нас. Перед человечеством и юридической наукой стоит много разных вопросов,

обусловленных технической и информационной революцией, требующих своевременного анализа и ответа. Это не только роботы. Возьмем трехмерную печать: принтеры появились пару десятков лет назад, тогда они были дорогостоящей экзотикой, а сейчас становятся привычными и дешевыми устройствами. Рано или поздно они будут на каждой кухне печатать элементарные объекты в виде кастрюль, и тогда заводы по производству кухонной утвари отомрут за ненадобностью. Как здесь быть с безопасностью, занятостью рабочих-жестянщиков, продажей данных для печати? С развитием технологий нас скоро ждут серьезные социальные и экономические изменения. И игнорировать то, что мир меняется, как бы этого не хотелось, к сожалению, невозможно. Кстати, это еще один очень важный вопрос, который должен обсуждаться не только юристами, но и философами, социологами и экономистами. И здесь справедливо говорить о нашей ответственности перед человечеством за совокупность предлагаемых идей и их реализацию.

Завершая свой ответ на ваш вопрос, отмечу, что сейчас для России даже обсуждение регулирования деятельности роботов — экзотика. Большинство ученых, однако, прозорливо написало, что это любопытно и они готовы участвовать в дальнейшем обсуждении, а некоторые даже проявили готовность целенаправленно участвовать в исследовательской и законотворческой работе. Честно говоря, мы не рассчитывали на то, что счет будет «в нашу пользу», а скорее ожидали обратной пропорции восприятия. Тем не менее, большинство

согласилось с нами в том, что эти вопросы надо анализировать и обсуждать. Так что, по сути, мы достигли той первоначальной цели, которую ставили перед собой.

— А какие недостатки были отмечены?

— Научной критики и отмеченных недостатков достаточно много. Например, не освещены некоторые вопросы, связанные с техническим регулированием и безопасностью, в том числе информационной. Да, мы написали про «красную кнопку» — как вводить робота в эксплуатацию: если есть соответствующая модель и ее внесли в реестр, собственник должен декларировать публично, что робот включился и работает, но этого, конечно, мало. Есть у нас идеи и относительно внесения владельцем каких-либо видоизменений в интеллектуальную систему роботов: если имело место вмешательство в устройство конкретного робота, его должны выключить, поскольку это будет уже не образец из сертифицированного модельного ряда и неизвестно, куда этот робот уедет, и, вообще, производитель-то не его разрабатывал. То есть отдельные базовые вещи на уровне безопасности отношений мы обозначили, но их явно недостаточно, и это отдельный предмет для целого раздела будущего закона либо даже нескольких будущих законов.

— Какими будут дальнейшие шаги в отношении разработки этого законопроекта?

— Частично замечания во второй версии уже учтены либо будут учтены в ближайшее время. Кроме того, есть ряд идей, которые нужно серьезно обдумать и затем начать реализовывать. Кстати, я думаю, что состав энтузиастов скоро может расшириться — буквально несколько дней назад Госдума сообщила о заинтересованности в тематике регулирования робототехники.

— Ваш законопроект приравнивает робота-агента к юридическому лицу. А что считать роботом-агентом: каждый пылесос Roomba или только робота Pepper?

— Не все так однозначно. Роботами являются пылесосы, которые сами ездят по изначально неизвестной им комнате, познавая только ее, а в нашем законопроекте роботами-агентами выступают квази-субъекты, имеющие технические особенности и свободу взаимодействия с внешней средой и самообучения, которых мы предлагаем внести в Гражданский кодекс или в закон о робототехнике. Это как раз та конструкция, вокруг которой идеологически построена текущая упрощенная

(совершенно откровенно об этом говорю) модель регулирования. Выражаясь научным языком, робот-агент — это имущество, наделенное правосубъектностью. Ближайшей аналогией (но не совпадением признаков!) является юридическое лицо. Это вызвало критику со стороны цивилистов, которая мне представляется эмоционально объяснимой и понятной. В то же время все прекрасно понимают, что юридическое лицо — фикция. Юридические лица не бегают по лесу, их не поймать за руку при получении денег в банке, и все такое прочее, тем не менее, мы живем с этим многие столетия.

И робот как квази-субъект — тоже фикция в условиях, когда в нашей модели мира, венец всего — человек. Но когда робот-агент станет очень «умным» и ценным для экономики, определять содержание своих действий он будет, по сути, самостоятельно. Психологически, конечно, тяжело сказать «он будет определять это сам», ведь робот — жестянка, однако факт остается фактом. Если мы посмотрим на научные исследования и экспериментальные образцы, то поймем, что скоро они действительно будут «думать» сами. Осознавая все это, мы и взяли в качестве аналогии юридические лица.

Понятно, что за юридическим лицом стоят люди. И в тюрьму сажают именно их, а не юрлицо. Но сделки-то заключают именно юрлица. Вот и нестыковка, когда для достижения экономических целей мы допускаем существование этой фикции. То же самое с роботами. Технический прогресс будет предлагать все более совершенные и полезные решения, но если абсолютно за все будет нести ответственность производитель или собственник, таковые не будут производить или покупать — ответственности не захочется. Кстати, в одном из откликов был тезис, смысл которого можно свести к тому, что враждебная робототехническая отрасль готовит социальную революцию.

— Вы анонсировали законопроект в декабре, а в январе Комитет Европейского парламента по правовым вопросам вышел с инициативой создания общеевропейских правил урегулирования статуса роботов. Какова возможная степень участия России в процессе создания законодательных рамок на мировом уровне?

— Этим занимаются несколько научных школ Евросоюза, США и Юго-Восточной Азии. Дискуссии на данную тему ведутся, но пока формализованных концептуальных документов минимум. И нельзя сказать, что мы были первооткрывателями. Если сравнивать проект рекомендаций в сфере робототехники Евросоюза с нашим законопроектом, то совпало примерно три четверти ключевых идей,

например, по поводу юрлиц и в вопросе ограничения ответственности. Есть терминологические расхождения: они предлагают классификацию «умных» роботов. У нас же сказано, что не все роботы «умные», а есть роботы-агенты. В их рекомендациях имеется ряд прагматических вещей, на которые нужно обратить внимание. Например, они уделили внимание вопросам страхования ущерба, причиненного роботами.

— Для чего в вашем законопроекте предусмотрены саморегулируемые организации производителей и собственников роботов?

— Одна из ключевых идей законопроекта помимо конструкции «движимое имущество с ограниченной правосубъектностью» — создание реестра моделей роботов (подчеркиваю, не реестра роботов, что сейчас кажется элементарным, а спустя некоторое время, когда их будет много, окажется нереальным). Так, пылесосы станут «очень умными» и многофункциональными и будут уже не только пылесосить, поэтому регистрировать каждого отдельного робота бесполезно. Но можно регистрировать модели. Когда производитель заявляет, что разработал такое-то решение для таких-то целей, государство либо саморегулируемая организация должны разорвать эту модель по винтикам, провести тест-драйв (как, например, проводят клинические испытания

лекарств) и лишь после подтверждения безопасности модели включить такую в реестр.

Модель, зарегистрированную в реестре, можно вводить в оборот и продавать, предварительно сообщив всем окружающим, во-первых, что это именно робот, а не радиоуправляемая игрушка, во-вторых, что он «умный» и, в-третьих, что это такая-то модель, которая принадлежит тому-то. Если же у кого-то возникнет соблазн что-либо видоизменить в конкретном роботе, придется снова возвращаться к государственной сертификации либо к сертификации и тестированию в рамках саморегулируемой организации, чтобы выяснить, что именно изменено и как дальше с этим работать.

Реестр и саморегулирование как раз и нужны для целей ресурсоемкого анализа и испытаний в целях безопасности. Человеческая история подтверждает, что у нас постоянно рождаются нехорошие и пагубные идеи. Желание «что-нибудь подвинтить для дешевизны» может и не иметь злого умысла, но привести к трагическим последствиям. Значит, в таком случае необходимы вмешательство и контроль со стороны профессионального сообщества и государства.

— А кто может стать драйвером этого процесса с учетом того, что у нас в России производится не так уж много роботов?

— Я думаю, мы существенно отстаем в этой области. Но ведь сначала мы так же сильно отставали с Интернетом, а потом стали, если не лидерами, то, по крайней мере, претендентами в таковые. Вчера прочитал, что сейчас в Москве успешный предприниматель на франшизе продает бизнес — робототехнические кружки по обучению детей робототехнике, и это востребовано. Далее за энтузиастами пойдет бизнес, потом — государство. Драйверами станут потребители, они захотят использовать роботов и иметь понятные правила их использования.

Внедрение роботов представляет интерес для транспортной, финансовой и страховой сферы, медицины, то есть для тех отраслей, где имеют место типовые операции, причем массово востребованные. Это и есть будущие потребители. Также можно представить себе использование роботов в строительстве или в сфере городского и сельского хозяйства. Например, дворников можно будет заменить простыми роботами (не философами), но это все равно должны быть умные машины, которые не заметут человека куда-нибудь в люк, остановятся перед другой машиной и, если вдруг какая-нибудь бабушка упадет на улице, окажут ей помощь и еще корвалол подадут.

Другое дело, что есть сферы, где роль личности и творчество и человеческие качества являются преобладающими факторами успеха, например, художники или командиры. Здесь роботами никого не заменишь, разве что, почитав нашу же фантастику и посмотрев фильмы-катастрофы, появятся роботы-управленцы, которые устроят революцию (*смеется*).

— *А государство?..*

— Государство — это опосредованно тоже потребитель в области обороны, безопасности и управления, также развития экономики. И я не уверен, что оно как заказчик всего этого может выступать главным драйвером, но организации, в частности, те, что находятся в структуре государственной собственности либо прямого влияния, могут стать таковыми. Тут возникнет масса социальных проблем, например, куда трудоустроить многих людей, а пока мы к таким революциям не готовы.

Но может произойти следующее: это окажется для нас настолько экономически выгодным, что мы очень быстро все внедрим, а уж потом задумаемся. Так уже произошло со многими технологиями, например, с тем же Интернетом. Было бы прекрасно, если бы еще в 2000-х гг. разные государства договорились друг с другом о базовых принципах регулирования мирового информационного пространства, как, например, ранее договорились об Антарктиде или о Луне. Конвенция о Луне — блестящий юридический документ.

Представьте, если мы начнем рассматривать все эти упомянутые дискуссионные проблемы и идеи еще и с международно-правовой точки зрения. Когда роботов станет много, начнут накладываться экономические интересы, которые постепенно станут преобладать над всеми стратегическими интересами человечества. Деньги будут деформировать правильность принятия человечеством решения. Значит, надо пытаться договариваться на берегу, когда этих денег здесь пока мало.

— *Сейчас, наблюдаются как большой интерес юристов к этой теме, так и ее отторжение, непонимание...*

— Это понятная человеческая реакция. Таково восприятие реалий изменяющегося мира обществом и одной из наиболее консервативных его частей — юридическим сообществом. Я не сомневаюсь, что в научных работах 1990-х можно с легкостью обнаружить разработки с разными ярлыками либо с упрощенным взглядом на регулирование Интернета (в том духе, что все уже есть, что это никому

не нужно, что это уже присутствует в законе и не зачем заниматься чушью и фантазировать, потому что имеются другие глобальные проблемы, которые мы с удовольствием продолжаем решать на протяжении тысячелетий, и т. п.).

Тем не менее, новизна и мода подстегивают интерес и в то же время сначала делают его поверхностным. После часть перестает этим интересоваться, а у части — приходит осмысление и возникает погружение в проблемы. Затем возникает что-то новое и снова его первым встречает непонимание...

— *Все равно ведь за этим будущее?*

— Несомненно, так. Вопрос в оценке временных горизонтов. Вспомним интеллектуальную собственность. Сначала это была локальная подотрасль гражданского права. Потом начали говорить, что это, вообще, самостоятельная отрасль, которая определит развитие творца и человечества, и проявлять к ней повышенный интерес. Но потом этот интерес несколько спал, сформировалось массовое правоприменение, и отрасль стала понятной и заняла свое место в системе права. Я думаю, то же самое произойдет и с «робототехническим правом» (умышленно беру это пока нелепое понятие в кавычки).

Дальше, если будет развитие и пропорция между живыми и неживыми станет меняться (а это будет определять еще и экономика, и социальные процессы), конечно, может возникнуть право людей и право роботов, причем, вдум, увы, содержание права людей начнут определять роботы. Конечно, пока это все ненаучные догадки и размышления о роботах и человечестве, но об этом уже написаны вагоны фантастических книг, будущее может наступить внезапно...

— *Мы же все мыслим вперед максимум лет на пять, о перспективе в 20 лет вообще никто не думает...*

— Это уже важная и опасная проблема конца XX — начала XXI вв. С позиции философии права и исторических исследований и пять, и двадцать лет — это ноль в истории человечества. В подобных исследованиях мыслят не секундными категориями. Все это имело место и раньше, только тогда жизнь и ценности были не то что вечными, а просто существовали гораздо дольше. А теперь мы хотим все «здесь и сейчас», и такая точка зрения, по-моему, является пагубной. Через пять лет права роботов не будет, но через сто лет оно вполне может оказаться равноправным по отношению к праву человека, а через пятьсот лет и вовсе стать предметом изучения для роботов-правоведов, поскольку от человечества тогда уже ничего не останется. ❶